

В. В. КСЕНОФОНТОВА

ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ ВСЕВОЛОДОБЛАГОДАТСКИХ ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛОВ в 40—50-е годы XIX века

Основой в освещении вопроса послужили источники, представленные преимущественно неопубликованными документами Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

К первой группе документов, наиболее обширной, относятся рапорты и прошения исправников и управляющих, отчеты и докладные записки чиновников, посылаемых в Заозерск, отчеты и письма владельцев золотых промыслов гг. Всеволожских, т. е. документы этой группы принадлежат перу классовых врагов народных масс, которые, руководствуясь личными соображениями, стремились иногда исказить истинное положение вещей. Так, неточные сведения, например, давали помощники управляющего Левин и Немцов, исправники Никонов и Вережагин. Особенно критического отношения требуют сведения, исходящие от самих Всеволожских, в частности их данные о зарплате, нормах выработки, ценах на продукты; они стремились в официальных документах преуменьшить степень эксплуатации, сбросить с себя часть ответственности за создавшееся положение на промыслах, ссылкой на суровость края, на недостаток средств для его промышленной эксплуатации. И, наоборот, вся политика крепостника раскрывается с большей реальностью в письмах Н. Всеволожского к своему сыну. Однако и в документах этой группы есть исключения, например, донесения поручика Кушнера, его письма, адресованные Алексею Николаевичу, из которых перед нами предстает «человек чести». В дальнейшем, по-видимому, только за это донесение Н. И. Кушнерев был отстранен от службы.

Ко второй группе документов относятся прошения и жалобы самих рабочих, подаваемые исправникам, управляющим, следователям в Горное правление (так Паницыну и Ильину в 1842 г. была подана жалоба, под которой подписалось 26 рабочих Всеволодоблагodatских промыслов). Эта группа документов является самым ценным источником в освещении вопроса о положении и борьбе рабочих людей золотых промыслов гг. Всеволожских, но она пока малочисленна.

В статье используются также опубликованные источники, помещенные в сборнике документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке» [1]. Особая ценность материалов этого сборника состоит в том, что в нем помещены данные о положении

рабочих Всеволодоблагодатских промыслов в 1842 г., составленные по жалобам самих рабочих.

Объективный анализ указанных видов источников и дает нам возможность показать то положение, которое сложилось на промыслах в 40—50-х годах XIX в.

Разработка золотых приисков началась примерно в 1824 г. С этой целью, в том же году, сюда было переведено небольшое число крепостных с заводов и вотчин Всеволожских, находящихся от промыслов на расстоянии до 480 верст. С каждым годом «к сим прибавляли из заводов и вотчин по открытии упомянутых россыпей, сообразно местным обстоятельствам, всякого возраста с 12 лет, некоторых с семействами, а других семейства посылались через один, два, три года». При переводе выбор падал на тех крестьян, которые «в крестьянском своем быту мало или совсем не были полезны, отягощая собою прочих. С заводов же выбирались люди слабой нравственности и нередко по дурному своему поведению делали оттуда побеги», т. е. на приiski посылались люди, опасные для Всеволожских. Так было переведено 20 рабочих (в том числе Иван Новоселов) в наказание за требование заработанного провианта, которого в магазинах Пожевского завода тогда было очень мало¹.

Среди рабочего люда об этих глухих, заброшенных в тайге промыслах ходили легенды, полные ужаса и страха; найти желающих пойти в Заозерск на работу было почти невозможно, так как, узнав о своем переводе, рабочий обычно бежал. Поэтому, чаще всего, предназначенных для перевода на промысла брали неожиданно как преступников, не давая возможности подготовиться к переходу. Так, Сергей Корозников вместе с другими 30 человеками в июле месяце 1841 г. были неожиданно взяты с работы, а вечером того же дня отправлены на Всеволодоблагодатские промысла [1,—стр. 211]. Точно так же поступили с Василием Бердниковым, Андреем Устиновым, Иваном Заплатиным. Рабочие же Иван Якимов, Василий Попов и другие, хотя и были предупреждены о переводе за 10 дней, а некоторые и за месяц, но «за это короткое время,— писали рабочие,—они вынуждены были все свое хозяйство продать за бесценок, а многие и вовсе продать не могли, почему оставили дома свои заколоченными без всякого присмотра. А по приводе на промысла люди размещены были по квартирам, казармам и маленьким избушкам на рудниках безо всякой удобности для оседлой жизни, не получив ни сенокоса, ни огородов» [1,—стр. 211]. Ильин, которому жаловались рабочие, писал: «Им не только не сделано денежного пособия, но даже не дано, по приводе на промысла, льготного времени для устройства себе жилищ, что от таковых причин и разрушения того жалкого их домашнего состояния, какое они имели в прежних местах жительства, от невыдачи наличных денег за работы, от недостатка харчевых припасов, дороговизны всех необходимых в жизни вещей, из переведенных 300

¹ ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 142, лл. 5, 16; оп. 2, д. 1736, л. 119.

семейств осталось на промыслах менее ста человек, остальные все разбежались [1,—стр. 211].

По 8 ревизии 1834 г. на Всеволодоблагодатских приисках, площадью 237 747 десятин 1962 сажени бесспорно обмежеванной земли, уже числилось 46 дворовых и 383 человека мастеровых. Жили они в трех поселениях: в первом—Заозерском руднике, состоящем из 60 домов; втором—на истоке Светлого озера до 20 домов и в третьем—на Шапшинском золотом прииске до 15 домов².

К 1841 г. численность населения достигала 960 человек, из них 628 взрослых и 332 малолетка [1,—стр. 209].

В своих письмах к сыну Никита Всеволожский дает указание, как обращаться с крепостными. 22 сентября 1858 г. он писал: «Предоставляю неограниченное право крепостными моими людьми, как в имениях, так и домах, распоряжаться вполне по праву владельцу предоставленному, т. е. непослушных и нерадивых наказывать полицейскими исправительными мерами, вредных и бесполезных отдавать в рекруты, отправлять в Сибирь на поселение»³.

Такая политика крепостника создавала невыносимые условия для приисковых рабочих. В Уральское горное правление поступает одна жалоба за другой.

В 30-х годах XIX в. Горное правление для расследования создавшегося положения на приисках посылает двух чиновников — Пастухова и Москвина. Результаты обследования были не в пользу владельцев: рабочий люд голодал; Горное правление потребовало от владельцев принять ряд неотложных мер «по удовлетворению рабочих платами и продовольствием». Но от всего этого осталась лишь длительная переписка Всеволожских с Горным правлением и министром финансов. К 40—50-м годам XIX столетия положение рабочих приисков резко ухудшается, о чем свидетельствуют жалобы рабочих, донесения Кушнера, Паницына, Ильина, Никонова и других.

В 1841—1842 гг. в Горном правлении много шума наделали донесения помощника управляющего Всеволодоблагодатскими приисками Николая Ивановича Кушнера. 11 февраля 1842 г. Н. И. Кушнерев послал в Горное правление прошение, чтобы то под залог золота дало ссуду 16 тыс. руб. серебром «на заготовление провианта по истекающему зимнему пути для народа Всеволодоблагодатских промыслов, чтобы этим самым предотвратить могущий произойти голод, по неимению способов заготовить провиант». За неимением денег Горное правление отказалось удовлетворить просьбу. 14 февраля 1842 г. Н. И. Кушнерев обратился непосредственно к начальнику Горных заводов хребта Уральского, подробно описав создавшееся положение на промыслах. При этом поручик писал: «Как для ограждения себя от всякой ответственности, так и для предупреждения могущих быть неприятных последствий доведу до сведения его Превосходительства то ужасное по-

² ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, л. 263; оп. 3, д. 142, л. 3.

³ ГАСО, ф. 24, оп. 31, д. 148, л. 53.

ложение золотых промыслов Всеволожских, в каком они действительно находятся по случаю неприсылки с давнего времени денег, несмотря на неоднократные требования местного начальства». Описывая все те ужасы, которые имели место на промыслах, Н. И. Кушнерев уверяет, что «здесь нет ни преувеличения, ни отчаяния, ибо ближе отчаиваться гг. владельцам за свою собственность нежели их управляющим, лишенным всех средств к поддержанию и улучшению имения». Он предупреждает Горное правление, что писал донесение с обыкновенным равнодушием, дабы не подвергнуться тем же неприятностям, как его предместник Левин⁴.

Уральское горное правление, встревоженное донесением поручика Кушнерева, принимает решение: 1) немедленно командировать во Всеволодоблагодатские промыслы двух чиновников — титулярного советника Ильина и Гиттенфервальтера Паницына, поручив им произвести самое точное расследование и удовлетворение; 2) отправить с этими же чиновниками 3 000 руб. серебром из сумм Уральского горного правления с тем, чтобы они при действительной потребности были употреблены через посредство управляющего промыслами на содержание рабочих; 3) обо всем донести с нарочным. Кроме того, титулярному советнику Ильину 17 февраля 1842 г. была дана секретная установка: удостовериться против просьбы Кушнерева и разведать о поведении заводского исправника, который в своих донесениях сообщал об удовлетворении рабочих людей⁵.

По приезду в Заозерск Ильин донес, что он, «прибыв на золотые промыслы Всеволожских, нашел работающих там людей в самом бедственном положении, лишенных почти всех средств пропитания». Поэтому, видя такую крайность положения рабочих, Ильин передал промысловому управлению деньги, посланные горным правлением.

Вообще, об экономическом положении рабочих людей приисков Всеволожских можно судить прежде всего по размеру и уровню заработной платы. Плата эта была преимущественно задельной и по сравнению с 30 годами XIX в., на первый взгляд, повысилась. Раньше рабочие «за исполненный дневной урок получали самую высокую плату по 80 коп. ассигнациями и сверх того, безденежно по одному пуду провианта на каждого из детей». Если считать в году 270 рабочих дней, то каждый мог получить, кроме хлеба на детей, наличными деньгами 216 руб. ассигнациями. 6 июля 1841 г. в промысловое правление было прислано новое положение о работах и платах по Всеволодоблагодатскому правлению⁶. На основании этого положения рабочие люди должны были получать в день (берется самая высокая плата): работник первого разряда — 30 коп.; второго — 20; третьего — 15 коп. серебром, без провианта самим рабочим с женами так и детям. Из установленной платы

⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, л. 48.

⁵ Там же, л. 64.

⁶ Там же, лл. 111, 112 [1,—стр. 207].

было назначено производить вычеты с каждой ревизской души: на содержание церкви, госпиталей, на жалование разным должностным лицам и платеж разного рода повинностей по 15 руб. серебром в год⁷. При этом, местное промысловое правление, как видно из его рапорта, допускало некоторые изменения по содержанию рабочих. Они состояли в том, что правление «взыскивало по 15 руб. серебром не с ревизской души, а с работника и то соразмерно его силе или заработка». К тому же, как сообщал Ильин, правление приняло решение выдавать с 1 февраля провиант на детей без вычета из заработка по уважению, что они все почти большесемейные и фактически не получаю наличных денег. Это решение так и осталось на бумаге.

Расчеты показывают, что новая плата, более высокая на первый взгляд (на 7%), в сущности оказалась гораздо ниже прежней, так как судя по новым ценам хлеба, которые колебались от 2 руб. до 2 руб. 90 коп. ассигнациями за пуд, суммы надбавки (15 руб.) было недостаточно для пропитания одного ребенка. Следовательно, при новой увеличенной зарплате рабочие теряли против прежней платы в провианте: если один ребенок—9 руб., если два—33 руб. ассигнациями и т. д. К тому же, как писал Ильин, «нельзя ручаться, что распоряжение о выдаче провианта будет прочно, ибо оно не утверждено Попечительством, да и сделано только по нужде, когда уже жалобы людей на это сделались известны правительству» [1,—стр. 208].

Н. И. Кушнерев в донесении Горному правлению писал, что провиант выдается «однако только полным работникам по 2 пуда в месяц и женам их под заработку их мужей по 2 пуда, детям же и вдовам по недостатку провианта, месячины вовсе не отпускается»⁸.

Положение работника первого разряда было еще сносным. Но этого нельзя было сказать о работниках второго разряда. В год такой работник зарабатывал 189 руб., из его заработка вычитался оброк в 35 руб. Полагая средним числом потребность в провианте каждому 60 пуд. на год, получается расход 120 руб. На остальные потребности оставалось 34 руб. Положение работника третьего разряда было и того хуже: он зарабатывал в год 141 руб. 75 коп. ассигнациями. Из этого вычитался оброк 26 руб. 25 коп. Следовательно, самый счастливейший из этого разряда по истечении года оставался еще должен промыслам 4 руб. 50 коп.

Чаще всего правление вообще не разбиралось, сколько рабочий зарабатывал, и вычитало оброк полностью. Так, все рабочие, с которыми встречались Ильин и Паницын, единогласно заявляли, что «два низшие класса, имеющие семейства, никогда не могут зарабатывать более, нежели сколь нужно на один хлеб, а поэтому большая часть на промыслах бедны до крайности»⁹.

⁷ ГАСО. ф. 43, оп. 2, д. 1736, лл. 111, 112 [1,—стр. 207].

⁸ Там же, л. 38.

⁹ Там же, лл. 131, 132.

Наконец, если рабочий поступал в госпиталь по болезни, то он не получал зарплату; ничего не выдавалось его семейству, иначе как под будущую зарплату. Таким образом, если «кто из работников второго разряда пробудет в госпитале три месяца, тот непременно впадет в долги и всегда будет нести тяжесть их, а о рабочих третьего разряда и говорить нечего, ибо они будут в долгу даже и тогда, когда всегда работают», — писали рабочие в своей жалобе [1,—стр. 208]. Другие рабочие жаловались на то, что во время нахождения в госпитале не производится ни половинного жалования, ни провианта на семейство, а если и дается иногда провиант, то в недостаточном количестве и не иначе, как под будущей заработок. Так, например, Тихон Тиунов жаловался на то, что он находится в госпитале уже два года, а за это время его жене и двум малолетним детям отпускалось провианта только по одному пуду в месяц [1,—стр. 211]. Иван Носов и другие предъявляли подобные же претензии и сверх того жаловались, что «из их заработка взыскивается в общественный капитал полная сумма 52 руб. 50 коп., не исключая того времени, которое они провели в госпитале»¹⁰.

Выдача провианта на разных заводах производилась по-разному: на одних бесплатно (казенные); на других ниже цены продукта; на третьих по цене, в какую хлеб обходился заводам. К числу последних относились и прииски Всеволожских, с той разницей, что цены на хлеб были здесь особенно высокими. Дороговизна харчевых припасов и одежных вещей сильно сокращала материальные возможности рабочих и ставила в кабалу даже рабочих первого разряда. Продукты питания и вещи можно было приобрести только из промысловых запасов, которые заготовлялись чрезвычайно дорого. (Так, например, один пуд говядины стоил 9 руб. 15 коп. ассигнациями; один пуд хлеба—2 руб. 80 коп.). Дороговизна продуктов была отчасти и результатом постоянного безденежья на промыслах, поэтому заготовлять продукты приходилось в кредит. «В данном случае,—писал Ильин,—каждый из торговцев края хорошо знал, с какими затруднениями сопряжены взыскания долгов с имения Всеволожских и потому, ежели рискует поверить что-нибудь в долг, то при назначении цен рассчитывают себе так, чтобы никогда не оставаться в убытке, как бы поздно он ни возвратил капитал свой. Но и таких охотников очень трудно было найти. Само же управление промыслами дороговизну продуктов и вещей никогда не принимает на свой счет, а всегда располагает в цену заготовленных вещей и в какую цену они обошлись, по той и выдает рабочим; промысла, или все равно владельцы их, никогда не несут никакого ущерба от дурных хозяйственных распоряжений, для них все равно почем вещи ни заготовлялись, поскольку за все это заплатят невинные рабочие своим бедным достоянием; вот почему дороговизна повторяется из года в год без заботы об удешев-

¹⁰ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, л. 119.

лении»¹¹. Часто случалось и так, что испорченный продукт выбрасывался, а стоимость переносилась на доброкачественный.

С 1842 г. снабжение рабочих вещами было предоставлено крепостному Кропачеву, который по свидетельству рабочих, «необходимые вещи продает по установленной таксе, а прочие—по произволу»¹².

Жизненный уровень приисковых рабочих резко сокращался еще в связи с тем, что плата за работу производилась не наличными деньгами, а ярлыками, которые вскоре были заменены распределительными листами. (В фондах Свердловского областного краеведческого музея под инвентарным номером с/м 6508 хранятся распределительные листы Всеволода Всеволодова 1844—1845 гг., заменяющие 15 коп., 50 коп. и 1 руб. серебром). Существование ярлыков и распределительных листов заставляло рабочих покупать продукты на промыслах по дорогим ценам, при наличии же денег, они могли бы те же самые продукты покупать до 30—40 и даже 50 % дешевле на близлежащих Турьинских рудниках.

Такая дороговизна приводила рабочих к нищете и голоду. Так, Василий Олимпиев, прослуживший 29 лет, жалуется, что «по болезни не может исполнять полных работ и потому не имеет возможности пропитывать пятерых детей и слепую жену, ибо когда он собирается с силами и вступает в работу, то денег заработать не может даже на хлеб, а на другие припасы и вещи вовсе нет у него ничего; пособия же от промыслов при таком затруднительном положении ему никакого не делается» [1,—стр. 216].

По приезду на прииски Ильин и Паницыи сразу же заметили, что наличное число провианта и харчевых припасов оказалось действительно крайне недостаточным по количеству народонаселения. Сохранилась «выправка» из дел правления золотыми промыслами об отпуске продуктов рабочим за период с 1 марта по 1 декабря 1841 г.¹³ Из этого списка видно, что основное питание для рабочих составляла рыба, которая, как указывает Ильин, очень долгое время составляла и единственный харчевый припас на промыслах. Полусгнившая от времени и плохого хранения, она была доставлена в Заозерск еще в 1838 г. из Астраханских промыслов Всеволожских в количестве 1 500 пудов. В 1839—1840 гг. заготовки рыбы вообще не было, а в 1841 г. было доставлено еще около 1 800 пудов, в том числе гнилой рыбы было отсортировано до 200 пудов. Когда рабочие отказывались получать этот недоброкачественный продукт, запасчики сами клали ее на весы и говорили: «Берите, что дадут, а иначе ничего не получите»¹⁴. На это рабочие неоднократно жаловались управляющему Грину, а Кушнерев сообщал в Горное правление, что «в магазинах и промысловых запасах числится очень мало хлеба, и очень большое количество полусогнившего судака и

¹¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, л. 124 [1,—стр. 205].

¹² Там же, [1,—стр. 205—206].

¹³ Там же, л. 109.

¹⁴ Там же, л. 111 (1,—стр. 204).

леща, что служит, если не поводом, то явною отговоркою людей к их побегам и вообще невыполнению своих обязанностей». Рабочие Максим Мехоношин, Дмитрий Гладких и другие жаловались, что «рыба, будучи изобильно солона, возбуждает в сильной степени жажду; употребляемая для утоления жажды сырая и нередко болотистая вода производит понос, резь в животе и расслабление в членах; затем следует боль в ногах и кровавое накопление в деснах, от сих болезненных причин они бывают не в состоянии выполнить полных уроков и поступают в госпиталь, а многие, боясь быть там, делают побег»¹⁵.

Недостаток съестных припасов на приисках наблюдался постоянно. Грин в своих донесениях в Горное правление сообщал, что провианта нет, что запасов хватит на два месяца, что рабочие умирают с голоду. А в это время около 12 тыс. пудов провианта, заготовленного в Тобольской губернии, «по случаю мелей и засухи, осталось лежать на берегу реки Лозьвы в 200 верстах от промыслов без всякой защиты от дождя и снега и должны были подвергнуться порче и даже самой гнилости в продолжении лета до будущей зимы»¹⁶.

К 1842 г. на золотых промыслах состояло налицо 3 065 пудов провианта, тогда как годовая потребность в нем достигала 21 528 пудов. В 1843 г. положение с продовольствием еще более обостряется¹⁷.

28 февраля 1847 г. исправник Никонов сообщал Глинке о новых жалобах рабочих, «о неудовлетворении их в число следующих им за работы плат одежными вещами, холстом, сукном и обувью». После наведения справок в конторе Никонов узнал, что рабочим недодано плат по 2 февраля 1847 г. 959 руб. 94 коп. серебром¹⁸.

22 февраля 1847 г. Никонов представил ведомость о провианте, состоящем на Всеволодоблагодатских промыслах. Из ведомости видно, что для продовольствия бывших «на промыслах 886 человек мужского и 848 душ женского пола к 1 февраля состояло налицо: муки ржаной, пшеничной, гороховой, ржи зерном, крупы, гороху, толокна и солоду 12 479 пудов 24 фунта, тогда как по числу людей должно быть 36 800 пудов. Значит, вместо годового запаса продовольствия осталось менее нежели на два месяца, тогда как с наступлением весны всякое сообщение с промыслами чрезвычайно затруднялось, а доставка провианта становилась невозможной»¹⁹. В 1847 г. мастеровые вновь обращаются с жалобой на невыдачу провианта на детей, в результате чего «многие перво-классные работники, имеющие от 2 до 5 детей, остаются постоянно в долгу и находятся не в состоянии их пропитывать»²⁰. «На по-

¹⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, л. 110 (1,—стр. 204).

¹⁶ Там же, л. 38.

¹⁷ Там же, л. 341; ф. 43, оп. 2, д. 1319, лл. 1, 10.

¹⁸ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1319, л. 11.

¹⁹ Там же, л. 17, 42.

²⁰ Там же, л. 42.

добные недостатки,—писал Кушнерев,—негодуют и ропщут здоровые, они говорят, почему же какое-нибудь животное при худом сене снабжается сверх того или посылкою, или дачею лишней порции овса, или, наконец, переводится с выеденного подножного корма на другой, лучший и привольный, почему же мы должны встретить праздник заговенье, прозговенье тою же ячною крупю в горячей воде и запить вместо квасу холодною водою, как и в рабочие дни. Разумеется, сколько есть сил опровергаешь их суждение и стараешься придать другой оборот мыслям, но в душе должен согласиться на справедливое их заключение. Нищета, нужда и голод приводят к пьянству, которое становится привычкой, что нет мяса, нет рыбы или масла, давай хоть пить вино»²¹.

Неудовлетворительное снабжение промыслов продуктами, однообразность их, частое отсутствие масла, мяса, овощей и даже хлеба, плохое их качество оказывали отрицательное влияние на здоровье рабочих, вели к высокой смертности. По сведениям промышленного правления становится известно, что в 1839—1841 гг. умерло 323 человека и большая часть от цынги [1,—стр. 207]. К 1846 г. цынготная болезнь еще более усилилась, о чем свидетельствует доклад инспектора госпиталей Уральских частных заводов доктора медицины Вульфа, который в марте 1846 г. доносил Уральскому горному правлению «о крайних недостатках в продовольствии людей при госпиталях Всеволодоблагодатских промыслов и о разных несовершенствах по аптеке и больницам», объявив при этом, что его заблаговременные требования «местное правление оставляет безо всякого внимания, в то время как губительные последствия цынги подтверждала существовавшая там смертность при прежнем подобном содержании рабочих»²².

На Всеволодоблагодатских золотых промыслах высокими были нормы выработки, которые по сравнению с 1830 г. не изменились. При добыче песков трем работникам нужно было выработать от 1,5 аршин куб. меры торфа и незолотосодержащих песков, а малолетним давалось это же задание на 4 человека. Кроме того, торф нужно было еще относить на расстояние 10 сажень. Золотосодержащие же пески выносились в кучу, отстоящую от места добычи от 15 до 25 сажень. Высокими нормы выработки были и при промывке: при промывке с помощью машины (грохот) на 12 человек приходилось 3 тыс. пудов в день, т. е. на каждого по 250 пудов в день, а при промывке руками на грохотах—по 100 пудов в день на человека²³.

Разумеется, никакой охраны труда на промыслах не было, и рабочим приходилось работать в исключительно тяжелых условиях. Так, при осмотре на Никитинском прииске было замечено, что работы здесь производились ортами, высота которых достигала шести четвертей. В данном случае люди вынуждены были работать стоя

²¹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, лл. 43, 44.

²² Там же, д. 1298, лл. 1, 2.

²³ Там же, оп. 3, д. 142, л. 5.

на коленях, всегда в согнутом положении, что «они находят для себя весьма отяготительным и затруднительным».

Рабочий день равнялся 13,5—15 час., а в работах, «неопределенных урочным временем, занимаются с 6-го часа утра до 8 вечера, исключая от 1 до 1,5 часов отдыха во время обеда»²⁴.

Широко использовался женский и детский труд. Женщины не только работали в госпитале, делали кирпичи и пекли хлеба, но и в зимнее время занимались отливом воды с помощью ручных насосов. Прииски от жилья находились на расстоянии 32—40 верст, работали по 270—274 дня в году; рабочие промыслов часто принуждались к работе и в праздничные дни. Так, из донесения исправника Никонова от 30 апреля 1845 г. мы узнаем, что «19 апреля к нему явились крепостные мастеровые, жалуются, что оне в праздник Пасхальный недели по распоряжению управления принуждаются в горную работу. При расследовании оказалось, что 20 и 21 апреля (пасхальная неделя) 350 человек занимались снятием торфа, добычею песков и промывкой оных». В ответ на это донесение Горное правление отдало приказ: «чтобы помещичьи крестьяне не были употребляемы в работы в праздничное время и сметы о работах составлять и присылать в Главную контору на 274 дня»²⁵. Попечительство признало такое требование генерал-лейтенанта Глинка полезным в отношении имения Всеволожских, так как «оно клонится единственно к сохранению спокойствия между рабочими Всеволодоблагодатских промыслов».

Ко всему вышеописанному прибавлялся еще произвол приказчиков, надсмотрщиков, десятников, нарядчиков и т. п. Рабочие Заозерского рудника жаловались, что они «были биты от штейгеров палками, чего напоследок не могли переносить». Ряд документов сообщает о «тягости работ и жестоком обращении штейгеров с рабочими на Всеволодоблагодатском руднике». Один из бежавших рабочих при попытке отправить его обратно на Всеволодоблагодатский рудник заявил: «Ныне я иди в работу на Всеволодоблагодатский рудник, по жестокому там приставщиков обращению, не желаю, и если меня туда отправят, то я что-нибудь сделаю над собой или над кем-нибудь из приставников Всеволожских» [2,—стр. 85—86].

Каторжные условия труда, издевательства надсмотрщиков, плохое питание и почти полное отсутствие медицинского обслуживания изнуряли рабочего, приводили к массовым профессиональным заболеваниям, к потере трудоспособности. «Так, Иван Новоселов 36 лет с грыжей и поврежденной спиной; Тимофей Половинов с изломанной правой ногой; Прокопий Воробьев с вывихнутой ногой; Дмитрий Пососов и Иван Заворохин имеют грыжу; Михайло Тоторев удушлив и у правой ноги нет всех перстов; Николай Селков с высохшей правой ногой, отчего трудно ходить; Тимофей Черемных одержим падучею болезнью; Федор Ипанов страдает лomo-

²⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 142, л. 4.

²⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1286, л. 1.

тою всех членов. Такими же недостатками страдали еще около 42 человек, но они находились в бегах». «В отношении физических способностей,—писал Кушнерев,—едва достанет сил описать без содрогания в высшей степени калек и увечных, оставив уж их старость и дряхлость,—глух, нем, слеп с переломленной спиной, с сведенными жилами, большая часть с ужасною грыжею, с выходом заднепроходной кишки, с вывихнутыми шеями, отрубленными пальцами, с переломленными головами. И таких найдется до 100 человек»²⁶.

Для страдных собственных работ вместо 30 дней, положенных по закону, рабочие увольнялись только на 10 дней, считая в том числе и праздничные. Этого времени было совершенно недостаточно, так как покосов вблизи не было, а приходилось «кортомить травы у ясашных вогул, расстоянием в 40 верст. Только по этой причине весьма немногие из рабочих имели скотоводство, в то время как оно послужило бы им важною подпорою в продовольствии семейств своих»²⁷.

Из свидетельства следователя титулярного советника Орлова и депутата с гражданской стороны титулярного советника Бочкарева от 20 декабря 1840 г. мы узнаем о жилищных условиях рабочих. Так, при Никитинских промыслах из строений, предназначенных для жительства вольнонаемных рабочих людей из белорусских крестьян, оказалось:

1. На промысле Верх-Никитинском имелась одна казарма с перерубом на две половины: в первой помещалась контора для приема золота и отчетностей; во второй половине помещалось до 50 рабочих; печь одна кирпичная, четыре окна с окончинами одинарными; нары подле стен, потолок бревенчатый, пол послан на землю, стены и потолок заплесневели; со стен течет отпот, а с потолка каплет; воздух самый стесненный, форточек и душников на стенах не имеется; на полу ощутителен холод, ибо двери отворяются прямо на улицу.

2. 18 балаганов, построенные на мху вольнонаемными рабочими, имели в ширину от 3,5 до 6 аршин, а в длину от 4,5 до 6 аршин, высота в средний рост человека и некоторые с более высокими потолками, некоторые с полами, а более без полов, с нарами, маленькими окошками, вместо печек небольшая каминка, наподобие банной. В этих балаганах жило от 5 до 10 человек. В них же, за неимением бани, рабочие и мылись. Следователи в своих отчетах делали заключение, что «балаганы сии не только не соответствуют черным крестьянским баням среднего состояния, но не могут равняться и с худшими банями, а посему не могут быть жильем для нескольких человек в зимнее время»²⁸.

Кроме того, около 40 белорусов жили в летних балаганах.

Рабочие, живущие в казармах, постоянно терпели холод и ли-

²⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, лл. 43, 121 (1,—стр. 202).

²⁷ Там же, лл. 115—116.

²⁸ Там же, л. 293.

иены были возможности обсушиться и согреться. Это было в основном причиной заболевания многих цынгой и причиной их побегов с приисков. Не в лучших условиях жили и старожилы: они теснились в небольших, ветхих избушках, выстроенных ими самими²⁹.

Медицинское обслуживание на промыслах было поставлено плохо. Во Всеволодоблагodatске было два госпиталя: Истоцкий находился в 10 верстах, а госпиталь при Петропавловском прииске — в 31 версте от Заозерска. Истоцкий помещался в ветхом деревянном здании: «...в палатах стены не щекотурены и от времени почернели, полы тоже черны, зимних рам в нескольких окнах нет, форточки хотя и есть, но для употребления негодны по причине ветхости своей и при отпирании разваливаются все составные части; воздух в палатах удушлив, кровати размещены довольно тесно, некоторые вблизи окон, не имеющих рам. Бельё грубо, разнообразно, дырчато и черно до крайности, тюфяки перебиваются довольно редко; летние одеяла от черноты потеряли свой цвет... и т. д.»³⁰. «Больные не получали положенной им пищи и поэтому еще больше расстраивали свое здоровье. Они довольствовались изредка бульоном из ячневой крупы, сваренной на воде; говядина давалась низшего сорта, щи из нее не вкусны, крупа в них изобилует мякиною. При госпитале была баня, но она не только холодная, но на стенах ее есть несколько отверстий вершка по три в диаметре, куда свободно дует ветер и валит снег».

Медицинская практика была полностью предоставлена старшему и младшему ученикам. На Никитинском же прииске «не только не было никакого устройства для помещения больных, но даже не было лекарского ученика и самых простых средств для первого пособия, часто достаточного для прекращения болезни. Своего врача на приисках не было, а заведывал госпиталями Богословский доктор Подановский, который посещал госпиталь не более двух раз в год. Для перевода рабочих с прииска в госпиталь на расстоянии 10—30 верст не было ни экипажа, ни теплого белья. В бедственном положении находился и сам лекарь Кронгейм, которому часто задерживалась зарплата³¹.

Следовательно, низкая заработная плата, длительный рабочий день, высокие нормы выработки, постоянные продовольственные затруднения, произвол промысловой администрации, высокая заболеваемость и смертность, отвратительное медицинское обслуживание — вот основные черты, характеризующие положение рабочих на Всеволодоблагodatских золотых промыслах. Обостренная обстановка, сложившаяся в 40—50-х годах XIX столетия вызвала сопротивление задавленных нуждой рабочих, которое нашло свое выражение в различных формах протестов и волнений. Чаще всего

²⁹ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, лл. 293; ф. 43, оп. 3, д. 142, л. 4.

³⁰ Там же, лл. 127—129 (1,—стр. 212).

³¹ Там же, лл. 130, 295; ф. 43, оп. 2, д. 1298, л. 15.

это сопротивление проявлялось в жалобах, побегах, отказах от работ, избивании приказчиков.

В 1841 г. из 300 вновь присланных на промыслы рабочих бежало в течение лета 202 человека. Так, в июле 1841 г. Коразников вместе с другими 30 рабочими был отправлен на Всеволодоблагодатские прииски, из этой артели остался он один, остальные бежали³².

В мае 1842 г. II департамент Горного правления решал вопрос о деле, представленном на ревизию Верхотурского уездного суда «о 134 человеках государственных крестьян Витебской губернии», которые судились за самовольную отлучку со Всеволодоблагодатских промыслов, где находились по подряду. Они, кроме того, обвинялись в причинении грубостей заводскому исправнику и в избивании десятника. Причиной их ухода были ужасные условия жизни: отсутствие приличного помещения для жилья, особенно в зимнее время, плохое медицинское обслуживание, высокие нормы выработки³³.

Недовольство рабочих проявлялось и в 1847 г. по поводу плохого снабжения продовольствием и невыдачи его на детей. Попечительство, напуганное упорством рабочих, приняло поспешные меры для снабжения приисков продовольствием, заключив с Верхотурским купцом Белкиным договор на поставку во Всеволодоблагодатские промысла провианта и съестных припасов.

В 1854 г. на золотые прииски Всеволожских прибыло 200 рабочих Казанской губернии; в первый же день они отказались от работы, заявив, что «работа для них неудобна, не соблюдены условия в отношении содержания и помещения, потому ушли с золотых промыслов». Распоряжению начальства вернуться на промысла рабочие отказались подчиниться, выдвинув свои требования: повысить зарплату, улучшить жилищные условия. Управляющий промыслами под давлением рабочих пошел на уступки, «соглашаясь выполнить требование татар, назначая увеличенную зарплату, особое помещение и прочее, но... они упорствуют, делают дерзкие и грубые отзывы и в работу не идут, отзываясь голословно, хотя бы назначено было по 15 руб. серебром в месяц»³⁴.

Факты свидетельствуют о появлении черт организованности в выступлениях рабочих, об их упорстве в достижении своих требований. В выступлении 1854 г. уже выделяется ядро руководителей.—Бак Мухаммет Баширов, Ибетулла Негаметтулин, Иблигим Ибрагим, Абдулла Насыров, Хайбулла Тахватуллин, Абдулвалей Абдулвахитов, Абдул Гафир Абдулвахитов и другие, которые личным своим примером «утвердили и прочих татар в неповиновении и в решительном отказе от работ на означенных промыслах. Из числа 200 рабочих с приисков ушло 190 и только 8 согласились вернуться»³⁵.

³² ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1736, л. 126.

³³ Там же, л. 292.

³⁴ Там же, д. 1443, л. 1 (3,—стр. 81).

³⁵ Там же, л. 6.

Исправник Всеволодоблагодатских золотых промыслов сообщает 5 февраля 1858 г. генерал-майору Фелькнеру: «Контора Северных золотых промыслов владельца Никиты Всеволожского, арендуемых Кинешемским купеческим сыном Синицыным рапортом от 19 января мне донесла, что нанявшиеся в работу на Никитинский прииск крестьяне Чердынского уезда Анисимовской и Вильгордской волостей 100 человек, из коих три бежали, намерены уйти с оного самовольно, на работах же делают разные грубости, слушание и угрозы смотрителям и нарядчикам, отлучаются без воли управления, уходят с прииска на прииск, оставляя работы затопленными водою, чем причиняют значительный вред и убыток». В связи с создавшимся положением на Никитинский прииск «для водворения порядка между рабочими людьми и предупреждения общего их побега с промыслов, прибыл исправник Всеволодоблагодатских золотых промыслов»³⁶. Под давлением рабочих правление пошло на уступки, и все же, несмотря на это, 22 января в 8 часов вечера рабочие явились на квартиру исправника и, как сообщает последний, «многие из законтрактованных Чердынского уезда крестьяне с дерзостью начали объявлять мне, что возлагаемые на них работы считают тяготительными и поэтому работать более не желают и уйдут с промыслов; на внушения мои о исполнении заключенных ими условий мне объявили, что они условий не заключали и считают их фальшивыми». 23 января в 8 часов утра из числа нанявшихся в промысловые работы 36 крестьян, собравшись к магазину с котомками, побросали имевшиеся при них инструменты, ушли с Никитинского промысла и «прошли прямо через Урал в свои жительства»³⁷.

Всеволодоблагодатское управление стремилось строжайшими мерами пресечь уход с промыслов и добивалось от окружного начальника права на возвращение ушедших. По этому поводу Фелькнер писал пермскому военному губернатору: «Так как самовольный уход рабочих с промыслов до истечения условленного срока строго воспрещается и оставление настоящего случая без преследования может повлечь за собой вредные последствия, то я считаю долгом обратиться к содействию Вашего Превосходительства и имею честь покорнейше просить Вашего распоряжения о неременной и безотлагательной высылке на промысла г. Всеволожского самовольно отлучившихся оттуда крестьян, для точного выполнения ими принятого на себя по контракту обязательства»³⁸.

Из выше приведенных примеров мы видим, что волнения и недовольство рабочих Всеволодоблагодатских приисков были вызваны следующими обстоятельствами:

1. Неудовлетворительной оплатой труда, тяжелыми условиями работы, высокими нормами выработки;
2. Произволом и жестоким обращением;

³⁶ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1557, л. 1.

³⁷ Там же, (3,—стр. 82).

³⁸ Там же, лл. 1—3.

3. Трудным продовольственным положением, отказом администрации выдавать хлеб на детей и т. п.;

4. Нарушением контрактов и условий найма.

Основными же формами борьбы были: подача жалоб, отказ от работы, неподчинение властям, избивание представителей администрации, уход с промыслов.

Л и т е р а т у р а

1. «Рабочее движение в России в XIX веке». Сборник, т. 1, ч. 2, (под редакцией А. М. Панкратовой). М., 1955.

2. **Горовой Ф. С.** Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.

3. **Кривоногов В. Я.** Формирование кадров наемного труда на золотых промыслах вотчинных владений Всеволожских в первой половине XIX века. Сборник «Из истории заводов и фабрик Урала», вып. 2. Свердловск, 1963, стр. 68—83.